

любопытных памятников XVI столетия является «Георгий» из Новгорода, в котором обычная фибула (или перевязь) плаща заменена медальоном с погрудным изображением Эммануила, что, по всей вероятности, есть также отражение древней бытовавшей традиции (особенность, характерная для XVI в.)¹⁰².

Следует отметить, однако, что в рассматриваемый период, как и ранее, тема Эммануила в мелкой пластике не получила распространения. Можно указать лишь на один стеатитовый наперсный образок из частной коллекции в виде медальона с погрудным изображением юного Христа¹⁰³.

Среди многочисленных примеров, свидетельствующих о распространении воинского почитания Спаса Эммануила и связанной с ним символики девяностого псалма, одно из центральных мест занимают изображения воинов, попирающих аспида, василиска, льва и змия. Классическими примерами указанного типа могут служить «Димитрий Солунский» в рост из Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева и две житийные иконы с восседающим в среднике Димитрием, попирающим в первом случае льва, лижущего ему ноги, а во втором — аспида (хранятся соответственно в Покровском соборе Рогожского кладбища и Гос. Эрмитаже)¹⁰⁴. Многочисленность подобных изображений следует объяснять не только широкой популярностью Псалтыри, но также извечной для феодального общества актуальностью данной темы и устойчивой традицией образного сопоставления врагов с различными представителями животного мира, враждебными человеческому существу.

Значительный материал для понимания трактовки образа Эммануила в этот период дает житийная икона «Владимир, Борис и Глеб» первой трети XVI в., происходящая из Московского Кремля (ГТГ)¹⁰⁵. Шестнадцать клейм памятника иллюстрируют относящееся к XI столетию «Чтение о житии и о погублении блаженную стратотерпца Бориса и Глеба»¹⁰⁶. Характер отдельных клейм (преставление Владимира) и их подбор (принесение Мстислава Черниговского к гробу Бориса и Глеба) свидетельствуют о том, что при работе над иконой были использованы более древние художественные и литературные источники¹⁰⁷. О том же, по-видимому, говорят и два интересующих нас клейма, 4-е и 5-е, связанные с моментом убийства Бориса. Первое из них (рис. 6) изображает князя молящимся, второе — последовавшее за этим событие. В обоих случаях действие происходит на фоне походного шатра Бориса, украшенного орнаментом и драгоценными тканями. На шатре висит икона Эммануила с острове́рхим завершением, как бы специально обусловленным отведенным для нее местом. Благословляющий Эммануил выступает в роли символического центра обеих композиций.

Отдельные детали позволяют связать клейма с текстом «Чтения», «Сказания» и летописной записи. Слова молитвенного обращения Бориса

¹⁰² Памятник любезно указан Н. А. Маясовой.

¹⁰³ Принадлежит А. А. Клименко; приобретен в Старой Ладого. Размер 2,9×2 см. По мнению Т. В. Николаевой, относится к первой половине XVI в. Образок имеет в оглавию позднюю надпись IC XC. Он, несомненно, русского происхождения (по наблюдению М. М. Постниковой-Лосевой, русские стеатитовые иконки ранее XV в. не встречаются).

¹⁰⁴ Музей Рублева, инв. № 121 врем. пост.; «Древние иконы старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве». М., 1956, табл. 10 (датир. XV в.). Житийная икона Димитрия Солунского в Гос. Эрмитаже происходит из Новгородского древлехранилища.

¹⁰⁵ В. И. Антонова и Н. Е. Мневa. Указ. соч., т. II, стр. 60—61, табл. 17—20.

¹⁰⁶ Д. И. Абрамович. Указ. соч., стр. I—VIII, 1—26.

¹⁰⁷ Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба. По рукописи XV столетия. СПб., 1907, стр. 34—36; Э. С. Смирнова. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. — ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 321—323; В. И. Антонова и Н. Е. Мневa. Указ. соч., т. II, примеч. 1 и 6 на стр. 61; А. В. Поппа. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе. — ТОДРЛ, т. XXII, 1966, стр. 35.